

Моимъ умомъ, моею думой,
 Кѣмъ снова ожилъ для людей
 Страдалецъ мрачный и угрюмый,—
 Безцѣнный другъ! прими плоды
 Моихъ задумчивыхъ мечтаній,
 Минутной рѣзвости слѣды
 И цѣпь печальныхъ воспоминаній.
 Ты не найдешь въ моихъ стихахъ
 Волшебныхъ звуковъ пѣснопѣнья:
 Они родятся на устахъ
 Пѣвцовъ любви и наслажденья...
 Уже давно чуждаюсь я
 Ихъ благодатнаго привѣта,
 Давно въ стихіи шумной свѣта
 Не вижу радостнаго дня...
 Пою разсѣянный, унылый
 Въ степяхъ далекой стороны,
 И пробуждаю надъ могилой
 Давно утраченные сны...
 Одну тоску о невозвратномъ,
 Гонимый лютою судьбой,
 Въ движеніи грустномъ и пріятномъ
 Я изливаю предъ тобой!
 Но ты, понявши тайну друга,
 Оцѣнишь сердце выше словъ—
 И не смѣнишь моихъ стиховъ
 Стихами рѣзвыми досуга
 Другихъ, счастливейшихъ пѣвцовъ.

Крѣпость Грозная.
 7-го февраля 1832 года.

АКТАШЪ-АУХЪ.

На высотѣ пустынныхъ скалъ,
 Подъ ризой инеевъ пушистыхъ,
 Какъ сторожъ пасмурный, стоялъ
 Дубъ старый, царь дубовъ вѣтвистыхъ.
 Сражаясь съ хладомъ облаковъ,
 Встрѣчая гордо лучъ денницы,
 Одинъ, далеко отъ дубровъ,
 Служилъ онъ кровомъ хищной птицы.
 Молніеносный ураганъ
 Сверкнулъ въ лазуревой пучинѣ—
 И разлетѣлся великанъ,